Биография Георгия Ивановича Гурджиева

В Алексахин

SHOUT
SHARE
IT

- В. Алексахин
  - Тропою Гильгамеша
  - Цветок самовспоминания
  - Замечательные люди
  - Тайное братство «Сармунг»
  - Гурджиев в России

В. Алексахин
Биография Георгия Ивановича Гурджиева

Тропою Гильгамеша

Загадочное появление Гурджиева на небосклоне исторических перипетий XX века — особый феномен, сопоставимый, возможно, с такими экстравагантными проводниками эзотерических влияний на человечество, как Апполоний Тианский, живший в I веке н. э., прослывший магом-чудотворцем и обучавшийся на Востоке, в Индии и других странах. Или, например, — Иоганн Фауст (1480–1540), владевший тайнами магии и послуживший прототипом для героя бессмертной поэмы Гете. Некоторые исследователи жизни Георгия Ивановича Гурджиева (1877–1949) сравнивают его с Калиостро (Джузеппе Бальзамо), с удивительным «бессмертным» Сен-Жерменом (появился в Европе в 1735 г., умер в 1784 г.), которого Елена Блаватская причисляла к «великим тибетским мастерам».

Интересно отметить, что Гурджиев произвел в России более сильный «фурор», чем граф Сен-Жермен во времена Екатерины II, так как действовал скрытно и крайне эффективно, — может быть, более эффективно, чем многие из нас способны понять и оценить… Бросается в глаза закономерность: в периоды кризисов и катаклизмов на исторической арене появляются индивидуумы, которые создают особые школы и группы людей, способные двигать человеческую духовность в направлении, перпендикулярном обычному течению времени.

Именно Гурджиев донес до своих учеников тайну судьбоносных промежутков исторического времени:

> «В жизни человечества бывают периоды, когда массы народа начинают непоправимо уничтожать и разрушать все то, что создавалось веками и тысячелетиями культуры. Эти периоды, в общем, совпадают с началом упадка культуры и цивилизации; такие периоды массового сумасшествия, нередко совпадающие с геологическими катаклизмами, изменениями климата и тому подобными явлениями планетарного характера, освобождают огромное количество знания. Это, в свою очередь, вызывает необходимость в работе по собиранию знания, которое иначе будет утеряно. Таким образом, работа по собиранию рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций».

Кроме Фауста, Сен-Жермена и Апполония Тианского уместно упомянуть и другую, почти мифическую фигуру, имеющую прямое отношение к Гурджиеву. Речь идет о Гильгамеше, герое самого древнего эпоса, известного истории культур, — герое, который отправился в путь за далекое море, чтобы достать «цветок как терн», дающий бессмертие. Именно такой цветок бессмертия (который в сказках и преданиях превратился в «аленький цветочек») Гильгамеш пожелал принести своему народу…

Откуда возникла эта ассоциативная, на первый взгляд, — не более чем ассоциативная? — связь: Гурджиев, легендарный учитель эзотерической школы «четвертого пути», живший в XX веке, и — с другой стороны — Гильгамеш, живший в конце XXVII — начале XXVI веков до н. э. (!) в городе Урук в Шумере. Согласно современным научным данным, Гильгамеш был реальной исторической фигурой, пятым правителем I династии Урука. После смерти он был обожествлен, после чего его имя встречается в «царском списке» III династии Ура, где он превращается в мифического царя-героя. Уже со 2-го тысячелетия до н. э. Гильгамеш рассматривался как судья в загробном мире, защитник людей от демонов («защитник людей» — примечательный термин, к которому мы еще вернемся). Самая ранняя из версий аккадского эпоса о Гильгамеше (3-2-е тысячелетие до н. э.) приписывается урукскому заклинателю Синликеуннинни это поэма «О все видавшем», одно из самых выдающихся поэтических произведений древневосточной литературы. Со своим другом Энкиду Гильгамеш совершает множество подвигов (древнеиндийский вариант: Рама и Хануман). Но Энкиду умирает, — Гильгамеш, потрясенный смертью друга-побратима, убегает в пустыню, где впервые осознает, что и он, Гильгамеш, «великий царь», является смертным, является ничтожной пылью в глазах вечности:…

Как же смолчу я, как успокоюсь? Друг мой любимый стал землею, Энкиду, друг мой любимый, стал землею, прахом! Так, как и он, не паду ли и я, Чтобы не встать никогда, во веки веков?..

Гильгамеш отправляется путем Шамаша, божества Солнца, сквозь горы, уходящие за горизонт, в подземелья, попадает в чудесный сад, переправляется через «воды смерти» на остров, где обитает Ут-напишти, единственный человек из людей, который обрел бессмертие. Ут-напишти (аналогбиблейского Ноя, спасшегося от потопа) рассказывает Гильгамешу историю всемирного потопа, после которого остался только он, Ной-Ут-напишти, так как совет богов решил даровать ему «вечную жизнь». По просьбе жены Ут-напишти шумерский Ной на

прощанье раскрывает Гильгамешу тайну «цветка вечной молодости».

Цветок самовспоминания

Гильгамеш отправляется в путешествие и с большим трудом достает этот «цветок вечности». Но ему не удается воспользоваться магией цветка: пока он купался, цветок утащила змея, которая сразу сбросила кожу и помолодела, обретая новая жизнь. Гильгамеш возвращается в Урук, утешаясь созерцанием неприступности стен вокруг города… Что значит все это на тайном языке символов? В конце повествования о Гильгамеше подчеркивается мысль о том, что единственное доступное для человека — это память о его славных делах, точнее — воспоминание о собственных успехах и поражениях, мгновения «само-воспоминания», которые человек уносит с собой в измерение Вечности. Именно эта идея — одна из основных в школе «Четвертого пути», хотя она может иметь различные аспекты понимания на уровне культурных традиций и мистических интерпретаций. Идея «самовоспоминания» появляется позднее в античности, в диалогах Платона, в афоризмах Эзопа и Сократа, в изречении Дельфийского оракула «Познай самого себя» и т. д.

Идея самовоспоминания — важнейшая практическая идея системы Гурджиева и его последователей. В завуалированном виде ее можно найти в различных мистических школах Востока и Запада. Например, в XIII главе «Бхагавадгиты», которая названа «Йога распознавания между Полем и Познающим Поле», т. е. «различение», «разделение внимания» между созерцаемым и созерцателем:

> «Те, кто очами мудрости прозревают разницу между Полем и Познающим Поле и освобождение существ от Пракрити (материальности мира), те идут к Высшему».

Однако ясное изложение принципа «разделения внимания» на русском языке современный искатель истин может обнаружить в книге Петра Успенского «В поисках чудесного»:

> «— Никто из вас не заметил самой важной вещи, на которую я обратил ваше внимание, — сказал он. — Иначе говоря, никто из вас не заметил, что вы не помните себя (эти слова он особо подчеркнул). Вы не чувствуете себя, вы не осознаете себя. В вас „что-то наблюдает“ — совершенно так же, как „что-то говорит“, „думает“, „смеется“. Вы не чувствуете: „Я наблюдаю“, „Я

замечаю“, „Я вижу“. У вас по-прежнему что-то „заметно“, „видно“… Чтобы по настоящему наблюдать себя, человек в первую очередь должен помнить себя (эти слова он опять подчеркнул). Старайтесь вспомнить себя, когда вы наблюдаете за собой, и позднее расскажите мне о результатах. Только те результаты будут иметь какую-то ценность, которые сопровождаются вспоминанием себя. Иначе вы сами не существуете в своих наблюдениях. А чего стоят в таком случае все ваши наблюдения?.. Все, что сказал Гурджиев, все, что я продумал сам, особенно то, что показали мне попытки вспомнить себя, вскоре убедило меня в том, что столкнулся с совершенно новой проблемой, на которую не обратили пока внимания ни наука, ни философия».

Замечательные люди

Гурджиев родился в городе Александрополе (ныне город Гюмри, территория Армении) в 1877 году, когда эта местность входила в состав Российской империи. Буквально «Александр» — «защитник людей», «Александрополь» — «город защитника людей»… Это на греческом языке повторяет один из титулов легендарного Гильгамеша.

«Гюрджи» — по-турецки «грузин», житель Кавказа. Фамилию Гюрджиев или Гюрджян носят многие греки, переселившиеся из Грузии и других областей по ту сторону гор Кавказа на территорию Армении. По сей день существует обширная колония греков в районе озера Халка (юг Грузии). Мать Гурджиева — армянка, отец — малоазийский грек. Уже в раннем детстве отец, большой знаток сказаний и песен древности, спел Георгию историю о Гильгамеше. Позднее Гурджиев прочел содержание этой песни в одном из научных журналов, где были опубликованы данные археологических раскопок — клинописные таблицы, найденные в Ниневии. Этот факт убедил Гурджиева в том, что существует «устная традиция», независимая от официальной науки, которая сохраняется не хуже официальных письмен и таблиц и делает более правильные акценты на содержательных аспектах знаний. Яркие примеры подобного рода — певец древнегреческих сказаний Гомер, славянский Боян, автор «Слона о полку Игореве» и др.

Ряд экстраординарных событий и влияний, произошедших с Гурджиевым в детстве и юности, послужили отправным толчком для его путешествий и странствий «в поисках чудесного». Сам Гурджиев упоминает влияние со стороны отца, бабки, первых учителей, среди которых был русский священник, декан кафедрального собора отец Бош. Как отмечает Гурджиев в книге «Встречи с замечательными людьми», декан Бош был незаурядным человеком, увлекался наукой (химией, астрономией, археологией, историей культур), занимался музыкой, играл на скрипке, сочинял священные песнопения, многие из которых стали популярны в России. Гурджиев пишет, что присутствовал при сочинении некоторых из них — таких как «О, Ты, Всемогущий Бог», «Мирный Свет», «Слава Тебе» и др. Именно Бош взялся быть попечителем в деле образования молодого Гурджиева. Гурджиев приводит основные принципы отца Боша, которые тот сформулировал для юноши:

«Для того чтобы в ответственном возрасте (для

мужчин — между 20-м и 23-м годами, для женщин — между 15-м и 19-м годами) человек мог быть действительно человеком, а не паразитом, его образование должно неизменно основываться на следующих десяти принципах:

Вера в получение наказания за неповиновение.

Надежда получения награды только за заслугу.

Любовь к Богу, но безразличие к святым.

Угрызение совести за дурное обращение с животными.

Страх огорчать родителей и учителей.

Неотвращение к червям, змеям и мышам.

Радость довольствоваться только тем, что имеешь.

Печаль от потери доброжелательности других.

Терпеливая выносливость к боли и холоду.

Старание рано зарабатывать свой хлеб.»

Гурджиев восклицает:

> «К моему великому огорчению, мне не пришлось застать последние дни этого достойного и замечательного человека, чтобы отдать ему последний долг земной жизни, моему незабвенному учителю, моему второму отцу… Покойся с миром, дорогой Учитель! Я не знаю, оправдал ли я и оправдываю ли ваши мечты, но заповеди, которые вы мне дали, я ни разу не нарушил за всю мою жизнь».

Другим человеком, «замечательно» повлиявшим на Гурджиева, был Богачевский, отец Эвлисий, окончивший свои дни помощником наместника монастыря Ессейского братства, находящегося вблизи Мертвого моря. Согласно преданию, в этом братстве «Иисус Христос получил благословление на свое подвижничество» (современные данные подтверждают тесную связь первых общин Иисуса с Кумранскими школами эзотерического иудаизма).

> «Я встретил Богачевского первый раз, когда он был молодым человеком и, окончив курс в русской богословской семинарии, ожидал рукоположения в священство и был дьяконом в военном соборе в Карее».

Богачевский обладал уникальным знанием различения субъективной и объективной морали:

> «Объективная мораль, — говорил он, — установлена жизнью и заповедями, данными нам самим Господом Богом через его пророков, она становится основанием для формирования в человеке того, что называется совестью. И этой совестью объективная мораль, в свою очередь, поддерживается. Объективная мораль никогда не изменяется — она может только расширяться с течением времени. Что касается субъективной морали, она изобретена человеком и потому является относительным понятием, различаясь для разных людей и разных мест и находясь в зависимости от субъективного понимания добра и зла, господствующего в данный период».

Будущий отец Эвлисий наказал Гурджиеву жить и действовать согласно внутреннему убеждению, не следуя ухищрениям «общепринятых условностей»:

> «Вы должны знать не то, что ваше ближайшее окружение считает хорошим или плохим, а действовать в жизни, как ваша совесть приказывает вам. Неоспоримая совесть всегда будет знать больше, чем все книги и учителя вместе взятые. Но пока, до того, как сформируется ваша собственная совесть, живите согласно заповеди нашего учителя Иисуса Христа: „Не делайте другим то, чего вы не хотели, чтобы они делали вам“».

В этот период Гурджиев весьма серьезно заинтересовался сверхъестественными явлениями, но даже погрузившись в книги и общаясь с учеными, он не мог найти ответы на многие необъяснимые вещи, очевидцем которых ему случалось быть. Он стал искать ответы в области религии:

> «Я посещал различные монастыри и повидал людей, о чьей набожности я слышал, читал Священное писание и жития святых и был даже в течение трех месяцев прислужником известного отца Евплампия в монастыре Санаин. Также я совершил паломничества к большинству святых мест различных вер в Закавказье».

На его глазах произошло исцеление паралитика на горе Дхаджур, где находился монастырь с чудотворной гробницей святого. Другой феномен — действие молебна с иконами и хоругвями для испрошения дождя в период сильной засухи.

Третий пример — спасение обреченной девушки необычным путем: к свекрови больной во сне явилась Мариар Ана (азербайджанская Дева Мария) и приказала собрать розовые ягоды, сварить их в молоке и дать выпить девушке.

В эти годы Гурджиев сблизился с армянским юношей, которого позднее назовет в своих мемуарах «Мистер Иск» или «капитан Погосян». Обсуждая многие проблемы, они пришли к выводу, что существует «тайное знание», известное людям с древности, но к настоящему времени утерянное и забытое. Потеряв всякую надежду найти что-либо в современных источниках, Гурджиев и Погосян погрузились в изучение древней литературы. Они поселились среди руин древней армянской столицы Ани и однажды случайно (??) наткнулись на засыпанную монашескую келью, где обнаружили «в угловой нише груду пергаментов с письменами»…

Тайное братство «Сармунг»

Благодаря изучению свитков, стало известно: братство (эрнос) «Сармунг» существовало близ города Синаруш, но ранее находилось в долине Изрумин, недалеко от города Нивеси. Выяснилось, что город Мосул, близ которого находилась прежняя столица Ассирии Ниневия, в VII в. назывался «Нивеси»…

Погосян и Гурджиев встретили описание братства «Сармунг» в печатном издании старинной мистической книги «Меркхават». Они решили найти следы пребывания этой школы между озером Урмия и Курдистаном, в трех днях пути от Мосула. Преодолевая множество трудностей и опасностей, друзья случайно обнаружили «тайную карту древнего Египта» у одного из местных священников. Им удалось снять копию с карты, — они направились в Египет. Но Погосян решил остаться на корабле, следующим курсом на Александрию. Позднее, получив образование в Ливерпуле, он стал квалифицированным инженером-механиком. Погосян был одним из тех, кто научил Гурджиева многому, в особенности умению сознательно делать вещи, достигать поставленных целей. После 1908 года Погосян стал бизнесменом и превратился в одного из самых богатых людей на Земле. «Он был прав, когда сказал, что несознательная работа всегда теряется. Он действительно работал сознательно и добросовестно день и ночь, как вол, всю свою жизнь, во всех обстоятельствах и при всяких условиях».

Дальнейшие приключения Гурджиева, его встречи с удивительными людьми, разделившими с ним трудности поисков и усилий, можно найти в книге «Встречи с замечательными людьми» (Абрам Елов, Юрий Любоведский, Еким Бей, Петр Карпенко, профессор Скридлов и др.). В конце концов, Гурджиев нашел то, что он искал, хотя за это ему пришлось заплатить многим… Успенский пишет в книге «В поисках чудесного»:

> «О школах, о том, где он нашел знание, которым, без сомнения, обладал, он говорил мало и всегда как-то вскользь. Он упоминал тибетские монастыри, Читрал, гору Афон, школы суфиев в Персии, Бухаре и Восточном Туркестане, а также дервишей различных орденов; но обо всем этом говорилось очень неопределенно».

Во главе группы «Искатели истины» в возрасте 22-х лет Гурджиев отправляется в экспедицию по странам Востока (Индия, Афганистан, Персия, Туркестан, Египет, Тибет, страны Ближнего

Востока). Некоторое время он обучается в системе, связанной с суфийским орденом Накшбанди. В Бухаре он встречается с членом Сармунгского братства монастыри которого находятся в неприступных горах Средней Азии (на территории Афганистана). Здесь Гурджиев собирает воедино и синтезирует все, что он приобрел за годы обучения и странствий.

Гурджиев в России

В 1912 г. Гурджиев появляется в Москве и Петербурге, выступая с лекциями и создавая группы людей, заинтересованных в работе над собой. Весной 1915 г. Гурджиев встречается с Успенским, который к тому времени уже объездил многие страны мира, был в Индии, в Египте, наблюдал воочию Сфинкса, Тадж Махал и Собор Парижской Богоматери. Успенский увлекался теософией, оккультизмом; он уже написал брошюру об Арканах таро и резюмировал свои изыскания в книге «TETRIUM ORGANUM». Позднее, уже в наше время Раджниш (Ошо) назовет эту книгу третьей по значимости после «Органона» Аристотеля и «Нового органона» Фрэнсиса Бэкона… Впоследствии Гурджиев признался Успенскому, что эти книги обратили внимание Гурджиева к личности Успенского, и вовлечение его в школу Гурджиева было заранее продумано и запланировано.

Русское общество в период первой мировой войны уже было пронизано исканиями мистических движений, школ и кружков, салонов и философских обществ. Экзотический восток стал приоткрывать свои вуали перед взором русских интеллигентов, мечтателей, поэтов-символистов. До встречи с Гурджиевым Успенский по-своему формировал свое мировоззрение. Он осознавал себя творцом «новой модели Вселенной»: мир представляется многомерным, а мистицизм — «познанием расширенным сознанием» того ноуменального мира «вещей в себе», о котором говорили философы и мистики различных времен и культур. Его развитие было «стремительным и вполне в духе прекрасного начала века», как отмечает Аркадий Ровнер. В 13 лет он интересовался снами и психологией; в 16-открыл для себя Ницше, задумался серьезно над идеей «сверхчеловека»; в 18 лет он стал писать статьи и книги, пришел к исчерпанности рационализма и сделал шаги в поисках «неведомого знания». В 29 лет он увлекся идеей «четвертого измерения», которая могла обосновать всякое «чудесное», исходя из математических моделей многомерного мира и перехода от обычного времени к измерению «вечности».

Школы, которые находил Успенский на Востоке, требовали разрыва с культурой Запада, — но Успенский верил в разум и интеллектуальную свободу, которой оставался чужд аморфный мистицизм Востока. Экстазы медитаций он сравнивал с «прелестью» необычных состояний, которые посещают аскетов и монахов и хорошо известны старцам эзотерического христианства (последователям Григория Паламы, исихастам) и описаны в «…».

В полной растерянности от неудачи своих поисков за границей, Успенский неожиданно для себя столкнулся с самым загадочным, пожалуй, из людей нашего столетия. В лице Гурджиева Успенский встретился с совершенно новой формой мышления. Система, которую он стал жадно изучать с помощью «человека с лицом индийского раджи или арабского шейха», оказалась способной сплавить, воссоединить все знание, которое было ему известно, включая религиозные, философские, оккультные и научные формы и принципы. Теперь он мог избавиться от чувства досады, испытанного при чтении Е. П. Блаватской, Анни Безант, Чарлза Летбиттера, Папюса и новомодных писателей «от йоги» профанических волн начала века.

Гурджиев за короткий срок дал такую мощную энергию знания, которая обрушилась на интеллектуальную остроту Успенского подобно лавине водопада. Целая сеть новых понятий, структур и практических упражнений ломала иллюзорные стереотипы обыденных, хотя и квазинаучных, представлений о мире, человеке и высших влияниях. Гурджиев обратил его внимание на трагический разрыв в европейском мире «сущности» (внутренний человек) и «личности» (внешний человек, «персона», «маска», «имитатор», «приспособленец к окружающей среде»). Сущность остается у взрослого человека, воспитанного в мире фальши и подражания, на уровне шестилетнего ребенка, в то время как личность его — множество мелких «я», спрессованных в рой или легион противоречивых мотивов и желаний, — гипертрофированно увеличивается, подчиняя сущность, превращая ее в раба, в «золушку». Идея развития сущности человека, — переход на третью ступень, на которую не вступают обычные люди, — предстала перед учениками Гурджиева, как вполне конкретная и реально ощутимая задача. Гурджиев, в отличие от многих других, не просто нечто утверждал или провозглашал, — он давал ясные упражнения и методы, позволяющие изменить себя, совершить скачок в направлении роста сущности. Сущность можно сравнить с забитым «гадким утенком», который не подозревает, что может стать «лебедем»…

Каждая из идей, — которая всегда в Системе «Четвертого пути» сопровождалась практическим аспектом понимания, была направлена на живого человека (познание мира соотносилось с познанием человека и наоборот), могла послужить темой для создания какой-либо новой философской системы, которыми был наполнен спекулятивно-образованный Запад. Перечислим лишь несколько из таких идей, образующих взаимосвязанное и согласованное целое: идея «разделения внимания» и «самовспоминания»; идея «четырех состояний»: сон;

бодрствование; третье состояние, «самовспоминание»; четвертое состояние сознания, «объективное сознание», трансцендентное «озарение»; идея множества «я»; идея оппозиции «личности» и «сущности»; идея масштаба, включенности одних уровней бытия в другие, более «вечные» и «свободные»; идея Луча творения и иерархии миров во Вселенной; идея закона «трех сил» и «семи нот» (принцип триады и октавы); идея механичности людей, потери «самих себя»; идея ненаблюдаемости и скрытности «третьей силы»; идея четырех центров-умов, функционирующих в органической машине человека и др.

Для усвоения идей и принципов школы «Четвертого пути» существовал специальный язык, который был утрачен когда-то очень давно, во времена строительства Вавилонской башни и так называемого переселения и смешения «народов» и культурных языков. Гурджиев утверждал, что осталось три проекции, три модификации единого «универсального языка»: первая модификация — «на первом из них можно говорить и писать, оставаясь в пределах своего собственного языка, с той лишь разницей, что когда люди разговаривают на своем обычном языке, они не понимают друг друга, а на этом, ином языке понимают» (в другой раз он назвал такой язык «философией» и сопоставил его с первым внутренним кругом, «эзотерическим» слоем внутреннего человечества, указывая на Индию, где сохранилась эта форма изложения и общения); вторая модификация — «во втором языке письмо одинаково для всех народов, как, скажем, цифры или математические обозначения; но люди все еще говорят на своих собственных языках; однако каждый из них понимает другого, хотя бы этот другой говорил на незнакомом языке» (иначе — это «наука», «мезотерический» слой внутреннего человечества, исторически такой язык сохранился в Египте, на Ближнем Востоке); третий язык один и тот же для всех, как письменный, так и разговорный; на этом уровне различия между языками совершенно исчезают (это «практика», «эзотерический», ядерный слой внутреннего человечества, этот «язык» сохранился в Средней Азии, Туркестане, Месопотамии). «Внешнее человечество» — вне стен того «града» или «крепости», который построил, возможно, еще Гилгамеш, когда создавал принципы эзотерических основ бытия, методов совершенствования, достижения бессмертия, приближения к божественному уровню.

Такое подразделение «языков» было известно, по всей видимости, Моисею, Пифагору, Платону, адептам каббалы, суфизма, эзотерического христианства и другим мистическим учениям, в основе которых можно проследить скрытый код

Тетрады или Тетраграмматона — способа расчленения единого Логоса-Смысла на ступени или стадии постепенного соединения знания и бытия. Попытку сделать этот код более доступным для западной культуры предпринял Данте Алигьери, хотя его теория четырех смыслов (совпадающая с символикой Филона, Оригена, каббалы, суфийских мастеров и гностиков) осталась непонятой и неразработанной европейской традицией.

Новый период жизни Успенского начинается после революции 1917 года, когда по приглашению Гурджиева он приехал в Александрополь, а затем в Ессентуки, где поселился в доме на Пантелеймоновской улице. В это место постепенно съезжались другие ученики Гурджиева, образуя сплоченную группу, целиком отдававшуюся работе, общению. И обучению. Ложились спать поздно, вставали рано, с восходом солнца:

> «За шесть лет не наговорились столько, сколько мы наговорились за эти шесть недель».

В самый разгар мировой и гражданских войн, среди террора и многочисленных банд, в Ессентуках, незаметно от влияний планетарных пожаров и кровопролитий, шла интенсивная, кропотливая работа по созданию пробужденного сознания… Такая особенность свойство эзотерической школы, которая должна уметь извлекать «пользу» из любой ситуации, какой бы она ни была. Гурджиев продемонстрировал своим ученикам не на словах, а на деле, что он умеет и как он умеет делать в самой безвыходной и критической, на первый взгляд, обстановке. Он мог бы подписаться под афоризмом, восходящим к Лао-цзы:

> «Чем хуже — тем лучше».

Если для Успенского события 1917 года в России казались лишь «массовым безумием», то для Гурджиева они были побудительным мотивов и условием настоящей практики. Ведь Гурджиев всегда был «за» экстремальные ситуации, когда требуются «сверхусилия», без которых реальное преобразование себя невозможно:

> «Школы настоятельно необходимы… человек чересчур ленив… он боится сделать себе что-либо неприятное. Самостоятельно он никогда не достигнет необходимой интенсивности».

Когда в Ессентуках появились красные, Гурджиев представил новым властям свою группу как ученых, разыскивающих

местонахождение золота в горах Кавказа. Он предложил план: официально снарядить экспедицию (якобы) для поисков и вывоза золота. Был собран реквизит из Кисловодска, Минеральных Вод, близлежащих станций: лошади, телеги, спирт для научных нужд, провианты, — хотя Успенский решил не участвовать в «переходе Гурджиева через Кавказ». Он вскоре узнал, что группа добралась до Сочи, откуда прибыла в Тифлис: у всех участников исторического «перехода» этот опыт стал чуть ли не самым ярким мистическим впечатлением и открытием «второго дыхания», преодолением своей механичности.

Летом 1919 года Успенский получил письмо от Гурджиева, приглашающего его в Тифлис для работы в новом «Институте гармонического развития человека»… В это время Успенский находится в состоянии неприятия личности Гурджиева. Принимая всю систему «Четвертого пути», он уже оценивал экстраординарную резкость и «неинтеллигентность» Гурджиева негативно, как «загрязненный источник». Существуют разные точки зрения по поводу конфликта между ними. Одна из них состоит в том, что Гурджиева не интересовали интеллектуальные построения Успенского, его старания дать всему свое определение и правильную формулировку, — Успенскому была предложена традиционная для Востока формула безусловной преданности учителю, без каких-либо уверток и своеволия. Но Успенский попытался сохранить свою независимость — он даже начал вести кружки по собственному плану летом и осенью 1919 года в Екатеринодаре, Ростове и Новороссийске.

В январе 1920 года Успенский вместе с семьей (жена Софья Григорьевна и годовалый сын Леонид) покинул Россию и морем перебрался в Константинополь. Здесь, — среди турецких солдат, союзнических армий, десятков тысяч русских беженцев, — живя в маленькой комнате, он давал уроки английского языка и одновременно формировал свою группу, читая лекции по психологии и знакомя людей с системой «Четвертого пути». Здесь он встретился с молодым англичанином по фамилии Беннет, который напишет об Успенском, Гурджиеве и идеях этой школы около 44 книг, до сих пор, не переведенных на русский язык, выдержавших многочисленные издания во всем мире: «Творческое мышление», «Глубочайший человек», «Драматическая Вселенная» (в 4-х тт.), «Первая свобода», «Гурджиев: очень большая Загадка», «Гурджиев: Делание Нового мира», «Азарт: риск реализации», «Как мы делаем вещи: роль внимания в духовной жизни», «Образ Бога в Работе», «Интернациональная Академия Сознательного Образования», «Есть ли „жизнь“ на Земле?», «Мастера Истины», «Нужды общества Новой эпохи»,

«Секретные влияния: духовные действия в человеческой жизни» и др.

В Константинополе Успенский читает лекции в «Русском Маяке» для эмигрантов из России. В 1920 г. сюда прибывает Гурджиев со своими учениками, старыми и новыми. Центральным местом в работе Гурджиева становится специальный балет, в которым ученикам предоставлена тренировка выполнения «противоестественных» движений, создающих такие усилия и нагрузки на мышцы и нервную систему, которые в обычных условиях, в механической жизни, невозможны. Балет оказывался формой самопознания, ведущего к раскрытию высших форм сознания, пробуждению высших центров. Успенский вспоминал об этом «интересном времени» с особой теплотой: они с Гурджиевым вместе ходили к дервишам ордена «Мевлеви»; Гурджиев объяснял, что верчение дервишей вокруг собственной оси было основано на ритмическом счете для развития мозга. «Мне особенно запомнилась одна такая ночь. Мы переводили одну из песен дервишей для „Борьбы магов“. Я увидел Гурджиева-художника, Гурджиева-поэта, которых он тщательно скрывал в себе, иногда повторяя их потихоньку про себя, а затем переводил их мне на русский язык. Через какие-нибудь четверть часа я был погребен под формами, символами и ассоциациями; тогда он говорил: „Ну вот, а теперь сделайте из этого одну строчку!“. Я и не пытался найти ритм или создать какую-то меру; это было совершенно невозможно. Гурджиев продолжал работу; и еще через четверть часа говорил: „Это другая строчка“. Мы просидели до самого утра. Дело происходило на улице Кумбарачи, неподалеку от бывшего русского консульства. Наконец город начал пробуждаться. Кажется, я остановился на пятой строчке. Никакими усилиями нельзя было заставить мой мозг продолжать работу. Гурджиев смеялся; однако и он устал и не мог работать дальше. Стихотворение так и осталось незаконченным…»

Весной 1920 г. Успенский читал лекции в институте Гурджиева. Обычно Гурджиев дополнял объяснения Успенского ответами на вопросы. В 1921 г. Успенский уехал в Лондон. Там, в атмосфере «послевикторианской Англии», которая оказалась благоприятной для восприятия идей Успенского (переработанных им идей Гурджиева, школы «Четвертого пути»), книги Успенского начинают переводится на английский, французский и другие языки и издаваться во всем мире. Среди учеников Успенского — теперь всемирно известные А. Р. Оридж, Морис Николл, Джон Беннет, Кеннет Волкер и др.

Для многих танцы Гурджиева были чисто экзотической стороной дела. Иногда эти танцы воспринимались как выражение

«сатанизма», так как казались неестественными и чересчур «противоречивыми». Жертвой такого впечатления оказался Василий Шульгин, который в 1920 году оказался с армией Врангеля в Стамбуле и попал через знакомого на «гурджиевские танцы» в «Институте гармонического развития человека»:

> «Человек, сидевший на низенькой эстраде, соблюдал неподвижность, не делая никаких движений. Но он пристально смотрел на нас… Я увидел его глаза. Они незабываемы. Горящие глаза… Как у богатых караимов, державших в Киеве табачные лавочки…».

Люди, не имеющие магнетического центра, который притягивает их к источнику влияния и затем, в случае правильного развития магнетического центра, — к источнику эзотерических знаний в лице конкретного учителя, выражающего С влияния, — не могут правильно воспринимать священные танцы. Шульгин описывает свою негативную реакцию на «одиннадцать противоречивых движения», которые он увидел в институте Гурджиева, и упражнение «стоп», когда танцующие фигуры замирают по команде учителя, чтобы ощутить и осознать самые непривычные состояния своего тела.

Гурджиев сознательно устраивал демонстрационные представления в виде танцев и различных психологических опытов, чтобы с помощью таких «сетей» выловить людей, реально интересующихся «чудесным» — тех, у кого магнетический центр достаточно развит, — и затем включить таких людей в работу над самим собой.

Успенский вспоминает в книге «В поисках чудесного» (первая глава), как однажды, работая редактором московской газеты в январе 1915 года, он наткнулся на заметку в «Голосе Москвы», где упоминалось о сценарии балета «Борьба магов», принадлежащем некоему «индийцу» (этим «индийцем», как оказалось, был Гурджиев). Действие балета происходило в Индии, он должен был дать полную картину «восточной магии, включая чудеса факиров, священные пляски и тому подобное». Когда Успенский попал в одну из московских групп Гурджиева, ему дали рукопись одного из учеников, который описывал свои впечатления от встречи с Гурджиевым. Повесть эта называлась «Проблески истины», и она начиналась с эпизода, когда в руки автора повести попала заметка о балете «Борьба магов»… Та сама, которую Успенский вырезал из газеты замой 1915 года. Как позднее узнал Успенский, мысль этой повести принадлежала самому Гурджиеву, который хотел предложить Успенскому напечатать ее в одном из журналов (зная, что Успенский работает журналистом и редактором,

вращается в среде литераторов). Этот пример показывает, как Гурджиев умел вовлекать нужных ему людей в свою работу. Он ставил перед ними определенные практические задачи и одновременно выявлял их черты, особенности, потенциальные возможности, механику реагирования на те или иные вещи.

Успенский пишет далее:

> «— Мой балет — не мистерия, — сказал Гурджиев. — Задача, которую я поставил, состояла в том, чтобы создать интересный и красивый спектакль. Конечно, за внешней формой там скрыт известный смысл; но я не преследовал цели показать и подчеркнуть именно это. Объясню вам вкратце, в чем дело. Вообразите, что, изучая движение небесных тел, скажем, планет Солнечной системы, вы построили особый механизм, чтобы передать зрительное изображение законов этих движений и напомнить нам о них. В таком механизме каждая планета, изображаемая сферой соответствующих размеров, помещается на определенном расстоянии от центральной сферы, изображающей Солнце. Механизм приводится в движение, все сферы начинают вращаться и двигаться по заданным путям, воспроизводя в зрительной форме законы, управляющие движением планет. Этот механизм напоминает нам обо всем, что вы знаете о Солнечной системе. Нечто подобное содержится и в ритме некоторых танцев. В строго определенных движениях и сочетаниях танцующих в видимой форме воспроизведены определенные законы, понятные тем, кто их знает. Такие пляски называются „священными плясками“. Во время моих странствий по Востоку я много раз был свидетелем того, как эти пляски исполнялись во время священнослужений в древних храмах. Некоторые из них воспроизведены в „Борьбе магов“. Кроме того, в основу балета положены три особые идеи. Но если я поставлю балет на обычной сцене, публика никогда их не поймет».

Успенский выяснил, что важные сцены балета Гурджиева изображают школы «белого мага» и «черного мага», упражнения учеников обеих школ и борьбу между ними. Все события происходят на фоне жизни восточного города и переплетены с любовной историей, которая имеет аллегорический характер. По поводу «трех идей», заключенных в танцах Гурджиева, один из его последователей, Оридж (который создал центр этой школы в

США, куда в 20-х годах приезжал Гурджиев), связывал их с задачей одновременного включения трех центров человеческого организма: инстинктивно-двигательного, эмоционального и интеллектуального. Таким образом, танцы преследуют внешние, показательные цели символической космологии и, одновременно — внутренние, психологические цели самонаблюдения учениками себя в процессе действия. Понятия «ритма» и «ритуала» здесь совпадают не только этимологически, но и по содержанию — выражая единство космоса и человека как микрокосма (малого космоса): санскритское слово «рита» имеет глубокое значение — «Рита определяет преобразование неупорядоченного состояния в упорядоченное и обеспечивает сохранение основных условий существования вселенной, человека, нравственности. Посредством Риты достигается порядок круговращения вселенной. Поскольку этот порядок совпадает с истиной, то Рита толковалась в самом широком смысле (немецкий индолог Г. Людерс). Противоположность Риты — Анрита, неупорядоченность как лишенность Риты. Всеобщий характер Риты проявляется в том, что она управляет и вселенной, и ритуалом; она определяет и физический, и нравственный аспект жизни, Рита была установлена Адитьями, которые и охраняют ее. Более всех богов связан с Ритой Варуна (и Митра), именно он контролирует соответствие между Ритой и поступками людей. Рита невидима смертными: „закон сокрыт законом“ (Ригведа V 62, 1), т. е. Рита определяется не извне, а из самой себя; иначе говоря, она определяет все, включая и самое себя. Даже деятельность богов — не более чем частные проявления Риты. Посредством Риты регулируется движение солнца, дождь, жизнь растений, животных, людей, действия богов». Мы видим, что всякий священный ритуал, включая танцы, хороводы, символические передвижения в пространстве, церковные праздники с выносом реликвий и т. п. — есть не просто мистерия, повторяющая мифические сюжеты, но и специальный способ соотражения космоса и микрокосма, который укрепляет противостояние между силами порядка и силами хаоса. В терминах гурджиевской Системы, «ритм и ритуал изображает столкновение „добра“ (сознательных сил) и „зла“ (механических сил», или школы «белого мага» и «черного мага». Каждое осознанное и намеренное действие увеличивает силы сознательности и порядка, каждое бессознательное, механическое действие — силы беспорядка и утрату целостности.

К эзотерическому пониманию священнодействий и танцев как столкновения (битвы, войны, состязания, Апокалипсиса и т. п.) противоположных принципов, мировых начал, примыкает и идея

противопоставления нисходящей и восходящей октав. Нисходящая октава — это ряд механических деградаций, при котором происходит переход по ступеням или уровням бытия от высшего к низшему, от тонкого к грубому или от «светлого» к «темному». Восходящая октава обратный процесс, восхождение, или, как говорил Данте, «анагогия» от низших ступеней к высшим, от грубой и плотной материи — к тонкой и разряженной, более и более наполненной духовностью. В иудаизме, каббале и христианстве нисходящий и восходящий ряды аллегорически изображаются Лестницей между небом и землей, приснившейся Иакову, по которой ангелы спускались и поднимались. В эннеаграмме нисходящая октава соответствует движению против часовой стрелки, а восходящая — по часовой, при этом самая «высшая» точка «9» совпадает с самой «нижней» точкой «О», так как абсолютное Все и абсолютное Ничто есть одно и то же, представленное в двух противоположных аспектах. Гурджиев объяснял:

> «Вы знаете молитву: „Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный“? Эта молитва пришла из древнего знания. „Святый Боже“ значит Абсолютное, или Все; „Святый Крепкий“ также означает Абсолютное, или ничто; „Святый Бессмертный“ означает то, что находится между ними, т. е. шесть нот луча творения с органической жизнью. Все три, взятые вместе, составляют одно; это нераздельная и неслиянная Троица*. Девятка или Эннеаграмма выражает соединение шести нот творения (Луч Творения) с Единым началом, „альфой и омегой“ в точке начала и конца, точке „9“».

В феврале 1922 г. Гурджиев приехал в Лондон, где участвовал в лекциях Успенского. Последний помогает ему в организации Института и постановке давно задуманного балета «Борьба магов». Здесь было подготовлено около двадцати человек, включая участие известного музыканта Т. Гартманна (один из первых учеников Гурджиева) подготовившего аранжировку музыкальных тем Гурджиева. Успенский и остальные ученики собрали значительную сумму денег, на которую Гурджиев купил исторический замок «Аббатство» (Шато-Приоре) в Авоне, близ Фонтебло под Парижем. И осенью 1922 года здесь был открыт новый вариант Института, куда съехалась «пестрая компания» (по выражению Успенского) всех тех, кто знал Гурджиева и Успенского по Петербургу, Москве, Тифлису, Константинополю и Лондону.

В декабре 1923 года в театре на Елисейских Полях в Париже состоялось небывалое представление. Были показаны танцы и специальные упражнения. Были фокусы и «магические» эксперименты: чтение мыслей и передача их на расстоянии; прятали предмет, и ученик с завязанными глазами, взяв за руку одного из зрителей, отыскивал спрятанное; человеку, сидящему в зале, показывали предметы, и он телепатически передавал название и форму предмета людям, сидящим на сцене и т. д. Наиболее впечатляющим был номер, когда кто-либо из зала мысленно передавал пианисту Ф. Гартманну, находящемуся на сцене у пианино, название любой оперы, написанное на бумажке зрителями, — и пианист исполнял музыкальный отрывок из нее. Зрители заказывали какое-нибудь животное одному из учеников, сидящему в зале, — и другой ученик на сцене делал наброски именно того животного, которое заказывали изобразить.

Публика вовсе была шокирована, вплоть до недоумения и ужаса, когда в кульминационный момент представления группа учеников разворачивалась лицом к сцене, резко бросалась к рампе и, перелетев через оркестровую яму, падала в первые ряды партера, заставляя зрителей вскакивать с мест. Но, странно перемешавшись между собой, эти «летающие» фигуры, нагромоздившись друг на друга, моментально застывали в тишине и неподвижности. Затем они по команде Гурджиева поднимались, — и не было ни одного перелома, синяка или царапины.

В начале 1924 года Гурджиев организовал гастрольную поездку своей «труппы» по городам США. И там публика воспринимала фейерверк танцев и магических «чудес» как феномен безграничного господства учителя-мага над своими учениками. Известный писатель Вильям Сибрук охарактеризовал это зрелище как «удивительное, яркое, автоматическое, нечеловеческое, почти невероятное послушание и роботоподобное подчинение учеников», превращенных к команду «натренированных зомби или цирковых животных». В действительности же Гурджиев стремился показать фантастические возможности человека в такой сфере, как танец, движение, владение своим телом. Это было подобно современным боевым искусствам, факирическим способностям в духе Гудини или фокусам Дэвида Копперфильда.

Представления должны были встряхнуть обывателей, заставить задуматься о своих возможностях, взглянуть на жизнь с другой точки зрения, открыть нечто новое в самом себе. Следует напомнить, что в группе Гурджиева работали не профессионалы, но молодые мужчины и женщины, — привлекательные, хорошо

образованные, владеющие другими специальностями, но охваченные жаждой эзотерических знаний. Они были отнюдь не «зомби», — скорее нечто противоположное. «Зомби», как это ни странно, находились в момент выступлений в зале…

Тайна такого «послушания» учеников кроется в самой Системе и методах обучения по Гурджиеву. Он сам когда-то проходил все стадии послушания у шейхов и наставников монастырей Тибета, Афганистана и Ближнего Востока. Он всегда повторял главный принцип работы ученика с учителем:

> «Вы не сможете достичь настоящей воли, если не научитесь абсолютному послушанию».

Это правило связано с тем, что человек постоянно потакает своим прихотям, оставаясь в плену множества случайных влечений, бесполезных выбросов энергии, хаотического брожения мелких «я». Чтобы преодолеть беспорядок собственной неуправляемости, ученик первоначально тренируется подчиняться воле учителя, который уже достиг реального «Я», целостного и нерушимого в своем действии. И только после накопления опыта дисциплины и концентрации всех сил (на базе руководства истинно волевого «Я») ученик сможет понять, что есть что, — и открыть аналогичное интегральное «Я» внутри собственной природы. Однако обычные люди, не обладающие достаточной интуицией и чутьем в распознавании реального учителя, могут легко поддаться влиянию шарлатанов и всякого рода «экстрасенсов» доморощенного образца. Это подобно тому, как если бы человек, желающий овладеть математикой, соглашался бы обучаться не у математика, а, например, у работника торговли, который быстро умеет считать и манипулировать цифрами.

Мастера всегда видно в мелочах и обыденной обстановке. Вот как описывает один из учеников свои наблюдения за Гурджиевым:

> «Меня поразило то, каким манером он пересекал улицу сквозь движущийся транспорт, — без нервозности и спешки, свойственной большинству людей, — а как будто он чувствовал всем своим существом, полностью осознавая, что он делает, подобно мудрому слону, которого я видел в Бирме, когда тот продирался сквозь чащу леса».

Этот же ученик приводит пример того, как Гурджиев создает волю у своих учеников. История была такова. Ученику дали задание носить воду за сотню ярдов из ручья, на что уходило

целое утро. Однажды он заметил, что ручей протекал по ту сторону стены, ограждающей сад. Ему пришло в голову вырыть у стены яму и пустить воду сквозь стену. Этим каналом можно было сберечь огромное количество работы. Но стена могла обрушиться над проделанным отверстием. Тогда ученик предложил переливать воду через сифон, и, достав кусок шланга, два ученика заставили воду перетекать через десятифутовую стену и набираться в яму, расположенную в саду. Некоторые жители «Аббатства» (Шато-Приорэ под Фонтебло) приходили смотреть на изобретение, с удивлением комментируя сообразительность этого ученика:

> «Забавно, что такие высокие умы, как Оридж, Николь, Юнг и Пиндер неделями таскали эту воду, и никому не пришла в голову такая простая идея».

Наконец появился Гурджиев, который до этого был в поездке. Пока «изобретатели» стояли рядом, потирая руки от удовольствия, предвкушая похвалу «самого», Гурджиев, осмотрев механизм, сказал следующее:

> «Очень хорошо, очень остроумно. А теперь у меня появилась другая мысль. Уберите шланг и заройте яму. Поищите родник здесь…»

Ученик испытал множество отрицательных эмоций. Однако прошло пять лет, — и в один из прекрасных дней случилось так, что именно этот ученик раскопал источник воды, расположенный в саду. Такие преодоления Гурджиев называл «сверхусилиями». После этого случая данный ученик стал совершенно другим человеком.

Эта поучительная история имеет и символическое измерение: каждый должен с помощью сверхусилий отыскать источник жизни внутри самого себя, а не пытаться упрощать задачу с помощью внешних приспособлений. Когда в июле 1924 года Гурджиев попал в автомобильную катастрофу, ученики обратили внимание на то, что за ночь до своей поездки он вел себя необычно: попросил механика тщательно осмотреть машину; без всякой причины передал свои бумаги мадам де Гартманн и уполномочил ее действовать от своего имени; перед возвращением из Парижа в Фонтебло он велел мадам де Гартманн вернуться поездом и в ответ на ее недоумение просто махнул рукой… «Радиатор был раздавлен, двигатель сместился в сторону, рулевая колонка сломана, жалюзи, дверцы и окна разбиты, передняя ось и крылья вогнуты. Гурджиева нашли лежащим на траве, росшей по обочине

дороги из Парижа в Фонтебло, и под головой у него было автомобильное сиденье. Как он выбрался из машины, выбрался ли он сам или его вынесли, было неясно. Автомобиль врезался в дерево».

Примерно через месяц Гурджиев появился в саду. Голова была перевязана, глаза скрыты темными очками. Зрение фактически отсутствовало: он никого не узнавал. Но каждый день он вставал из кресла и делал несколько шагов, вопреки советам врачей. В октябре он, сидя в кресле, стал давать указания разводить под открытым небом большие костры, просиживая час или более у пламени. Считалось, что он набирается сил от огня. Это продолжалось до тех пор, пока чуть ли не половина парка не была вырублена для костров… Вскоре он начал руководить со своего кресла и «мы стали работать как прежде, стремясь ощутить и вспомнить себя, работать внимательно и осознавать, что, если будем работать сознательно, то поможем ему так же, как и себе». Гартманн признался Нотту, что еще в России, на Кавказе, когда он заболел тифом, приступ болезни был таким сильным, что его все считали безнадежным. Однажды ночью он вдруг пришел в сознание: Гурджиев склонился над ним и по его лицу стекал пот… «Все силы его были направлены на меня. Он дал мне кусок хлеба и ушел. Я сел, стал есть и понял, что он спас мне жизнь». Таков был учитель Четвертого пути, которого журналисты «желтой прессы» и по сей день называют шарлатаном и сомнительным сумасбродом. По всей видимости, балет «Борьба магов» продолжается и по сей день. На разных сценах в разные времена силы сознательности и творчества находятся в борьбе с силами механических реакций и помутнения разума. Сценарий этого балета написан не нами. И этот сценарий — не поэтическая гипербола, но подлинная драма, которая совершается здесь и сейчас, в настоящем.

А вот и другие «аналогии» из области «тайных лож» и «исторических заговоров»: летом 1921 года Гурджиев с группой учеников через Румынию и Венгрию прибыл в Германию, появляясь в предместьях Берлина. Здесь он якобы встретился с рядом последователей теософии и ариософии, которые мечтали о «сверхчеловеке»… Есть легенда о том, что Гурджиев давал уроки гипноза будущему «фюреру Третьего Рейха» Адольфу Шикльгруберу. Но все это непроверенные факты. Из работ Успенского и других учеников можно сделать однозначный вывод о том, как именно Гурджиев относился к таким людям, как Наполеон, Гитлер и вообще политикам, обуреваемым жаждой власти: он называл такую породу «хаснамус», человек без совести, безнадежный с точки зрения эволюции. Однако Гурджиев обучал,

как можно использовать таких людей в своих целях.

В ворохе сплетен и «точек зрения», напоминающих мусорник, желающие могут отыскать все что угодно, как это обычно бывает вокруг и около тех, жизнь которых обрастает легендами. Но, в отличие от «гиен, питающихся падалью», львы идут дальше, через пустыню, оставляя отбросы и гниющий шлак тем, кто привлекается к такой «еде» по закону симпатических влечений («подобное влечется к подобному»). Многие современные книги по оккультизму, магии, псевдо-герметизму пестрят подобным мусором. Такие вещи всегда должны существовать, чтобы производить надлежащий отбор и чтобы один сорт людей не мешал другому, способному найти более сокровенное и качественное. Существует суфийская притча о том, как один шейх, после домогательств нерадивой группы учеников, требующих сенсаций и точных инструкций, в которых все просто и ясно, написал специально для них книги по гаданию, астрологии, хиромантии и тому подобном, — и в результате плохие ученики перестали мешать достойным, соблазнившись вторичным знанием. Такова премудрость эзотерических школ. Имеющий уши да услышит! Вот мнения авторитетов массовой культуры:

«В высшей степени сомнительное учение»
(Анна Катарина Портер);

«Шарлатан»

(Франсуа Мориак);

«Не один человек, а миллион человек в одном»

(Маргарет Андерсон);

«Блестящий и поразительный психолог, не уступающий Ницше»

(Колин Уилсон);

«Один из великих инспираторов шестидесятых годов»

(Сергиус Головин);

«Это либо отличная и тонкая шутка… либо полный вздор!»

(Дж. Б. Уотсон, основатель бихевиоризма в психологии, после чтения «Все и вся: сказки Вельзевула, рассказанные внуку»).

«Четвертый путь», путь «мудреца» или «хитреца» можно понять лучше, если мы попытаемся выяснить множество оттенков значения греческого слова «софист» или «искусный человек»: «софия» значит — мудрость, знание, сметливость, хитрость, ловкость, мастерство, умелость, способность делать вещи, искусно придумывать, быть ухищренным, испытанным человеком, быть знатоком, наставником и т. д. В греческой традиции «софистом» называли Солона, Пифагора, известных философов, поэтов и мудрецов, — и только во времена Сократа и Платона, по причине распространения профанических школ обучения молодежи искусству успеха в жизни (подобно современным курсам психологии и прагматизма, дающим рецепты «успеха в бизнесе, жизни и сексе»), термин «софист» приобрел негативный смысл, равный слову «шарлатан» или «обманщик».

Искусный человек, как считал Гурджиев, не позволяет своему прошлому стать будущим, он пытается капля за каплей отыскать в себе божественную искру, освобождаясь от груза ложных «я», сковывающих его движение подобно множеству лишних одежд. В книге «Агенты разведки» Тимоти Лири приводит ряд правил, которые применял Гурджиев для повышения уровня сознания человека:

1. Попытайся добраться до сути событий, от которых остальные люди отмахиваются, как от таинственных и загадочных.

2. Никогда не делай чего-то только потому, что это делают другие.

3. Никогда не думай так же, как думают другие.

4. Доверяй только собственному виденью мира, а не тому, как видят его другие, да и собственному мнению доверяй не очень надолго.

Известно, что сам Гурджиев, увлекшись в молодости книгами мадам Блаватской и западной литературой о Востоке, решил проверить все досконально, — как он говорил, на проверку всего этого у него ушло несколько лет жизни: с 1890 по 1898 год он посещает Багдад, Афганистан, Кашгарию, проникает в Тибет, устраивается сборщиком податей у тибетских лам, что дает ему доступ во все монастыри; позднее он учится в Кабуле и других центрах суфийской науки. Очевидным является факт, что он преодолел множество невзгод и испытаний. Это подтверждают его собственные слова:

> «Вы хотите знать? В действительности, чтобы знать, вам нужно пройти через страдание. Вы должны научиться страдать не так, как вы сейчас страдаете, а осознанно. В настоящее время вы не умеете страдать ни на один франк, а чтобы понимать, вам нужно страдать на миллион франков».

Гурджиев был вне национальных вопросов и презирал всякого рода шовинизм:

> «Здесь нет ни англичан, ни русских, ни евреев, ни христиан, а есть только стремящиеся к общей цели — стать способным делать».

Чтобы научиться реально делать вещи, необходимо взять какую-либо малую вещь и забыть о больших делах:

> «Поставьте себе целью избавиться от какой-нибудь мелкой привычки.» Искусство шаг за шагом освобождаться от механических привычек и представлений дает человеку знание о том, как и почему он подчинялся до этого плену фантазий и наваждений, — в том числе, откуда возникают различные псевдо-учения и мистические течения, 99 процентов которых основаны на субъективном восприятии. О сторонниках теософии Гурджиев говорил, как о тех, кто «слышал где звон, да не знают, где он».

И такая оценка касается многих «искателей истины». Один из учеников Гурджиева передавал его точку зрения о человечестве:

> «Девяносто шесть процентов нашей цивилизации определяется инстинктивно-двигательным центром, физическим телом; три процента — это реальная культура, связанная с эмоциональным центром; лишь один процент — занимается вопросом „Почему?“ и зависит от действия реального разума. Инстинктивно-двигательный центр, которому следует быть пассивной частью, стал в нашей цивилизации активной, положительной силой. Мы — перевернутые люди, вывернутые шиворот-навыворот».

Рафаэль Лефорт в книге «Учителя Гурджиева» показывает, — если верить его путешествиям в поисках «чудесных» первоистоков школы «четвертого пути», — целую систему суфийских центров,

которые принимают учеников, двигающихся от одной ступени к другой. Согласно Лефорту, через такую цепь посвящений прошел в свое время Даурджиадзе, т. е. Гурджиев: «Кто это „они“, которые послали его? — спросил я, допытываясь дальше. — Это не секрет, — ответил он (Хаджи Абдул Кадер). — Та Ложа, что возле мыса Каратас на юге. Они были учениками Бахаудина, известного как Накшбанди, или „художники“. Их там уже нет, но он (Гурджиев), должно быть, был послан туда откуда-то еще, так как я довольно часто заходил туда и никогда не видел его.» На вопрос Лефорта «Откуда его могли послать» Хаджи рассмеялся: «С севера или с юга, с востока или с запада, из тысячи мест. Или с другого места обучения от другого учителя. Кто знает, что он изучил прежде, чем пришел ко мне? Быть может, соколиную охоту, музыку, танцы, плотничье дело?..» В конце концов, отыскав Шейха Ул Машейха в Афганистане, Лефорт возвращается в Европу, в тайную группу для «искателей истины» на Западе. Круг замыкается, словно гностический змей, кусающий собственный хвост.

Сравнивая учение Гурджиева со школами гностиков, трубадуров, алхимиков и герметистов, можно прийти к заключению, что в Европе во все времена существовала система знаний, которая была завезена либо с Востока, либо корни которой скрыто существовали на Западе, прикрываясь листвой различных внешних форм. Сами последователи суфизма понимают под последним не чисто исламскую эзотерику, как полагают некоторые, но нечто изначально свойственное древним эзотерическим школам разных культур и эпох. «Истина едина», хотя пути к ней утрачены. Гурджиев был тем, кто указал подступы к нахождению реального Пути к реальной Истине. Он обращал внимание на самосотворение человеком самого себя:

> «Я никак не могу продвинуть вас дальше, я могу только создать условия, в которых вы сможете продвинуться».

В этом же кроется назначение его книг, которые первоначально служили пособием для узкого круга учеников и без специальных комментариев к ним могут вызвать неправильные оценки и ассоциации. Вариант комментария к «Вельзевулу» можно найти в книге Нотта «Учение Гурджиева». Особенностью последней книги «Жизнь реальна только тогда, когда „Я есть“» является ее недостроенность, точнее полное отсутствие законченной книги. На самом деле это не книга, а лишь серия набросков, замечаний и тезисов, которые Гурджиев обозначил для самого себя в качестве «стропил» для возможного

построения будущей книги. С другой стороны, тезисы «Жизни реальной, пока Я есть» открывают перед нами психологический мир Гурджиева, его внутренний диалог, стиль работы с самим собой. Скорее всего, если бы Гурджиеву сейчас был задан вопрос о том, стоит или нет опубликовать эти наброски, — он бы ответил лаконично: «Идиоты!»… И был бы, несомненно, прав.

Говорят, что во время церемонии похорон Гурджиева в 1949 году устроитель церемонии, который не знал Гурджиева при жизни, был настолько поражен достоинством и благородством, которое излучало тело и лицо усопшего, что не смог сдержать рыданий у открытой могилы Георгия Ивановича.

В «Архи-Абсурде» Баал-Зебуб качает головой над существами этой планеты. «Наше солнце не светит, не греет». Когда мы получаем высокие идеи, такие как в этой Книге, и делаем усилие для понимания, — в результате появляется истинный Свет.